

Въ обзорѣ русской литературы за прошлый 1846 годъ, помѣщенномъ въ первой книжкѣ Современника, мы указали только на нѣкоторыя статьи, помѣщенные въ журналахъ, но о самихъ журналахъ не сказали ни слова. О старыхъ новаго сказать было нечего, а повторять старое было бы и скучно и бесполезно. Ихъ характеръ, направленіе, духъ—давно всѣмъ извѣстны. И еслибы который-нибудь изъ нихъ противъ воли потерпѣлъ какое-нибудь существенное измѣненіе въ своемъ внутреннемъ значеніи, всѣми мѣрами усиливаясь, въ то же время, сохранить, хотя внѣшнимъ образомъ, свой прежній характеръ,—вѣроятно, это было бы и безъ нашихъ указаній тотчасъ всѣми замѣчено, и намъ больше, нежели кому-нибудь другому, было бы неумѣстно виѣщиваться въ какія бы то ни было разбирательства по этому предмету.... О новыхъ или преобразованныхъ журналахъ, долженствовавшихъ появиться въ новомъ 1847 году, мы, естественно, не могли говорить потому, что еще не видали ихъ. Правда, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ можно было и заранѣе сказать безошибочно, что изъ него выйдетъ, не прибѣгая къ духу прорицанія, а только припомнивъ его неоднократныя метаморфозы: но вѣдь это же самое могъ бы сказать о немъ и всякій, стало быть, нечего было и говорить....

Тѣмъ пріятнѣе для насъ, что много хорошаго можемъ мы сказать о преобразованныхъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ. Мы многого ожидали отъ этой газеты по ея новой программѣ, въ которой были показаны и новыя матеріальныя средства редакціи и поименовано мно-

го новыхъ сотрудниковъ; но Санктпетербургскія Вѣдомости съ первыхъ же номеровъ своихъ за нынѣшній годъ превзошли всѣ ожиданія наши. Прежній редакторъ ихъ, г. Очкинъ воспользовался какъ слѣдуетъ новымъ своимъ положеніемъ редактора къ прежнему своему изданію, расширившимъ предѣлы его дѣятельности и давшимъ ему возможность обнаружить въ истинномъ свѣтѣ свои способности для редактированія большою политическою и литературною газетою. Хотя въ ея заглавіи и стоятъ только два эпитета: *политическая* и *литературная* и не стоитъ, какъ въ другихъ газетахъ, *ученая*; но это недостатокъ только заглавія газеты, а не самой газеты, потому-что въ ней публика прочла уже не одну замѣчательную ученую статью. Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ преобразованныхъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ какое-то чудо совершенства. При сужденіи о какой бы то ни было русской газетѣ, всегда должно брать въ соображеніе, до какой степени простирается у насъ вообще возможность хорошаго изданія въ этомъ родѣ, и до какой степени зависитъ отъ редактора его совершенство. Съ этой точки зрѣнія, немногаго остается желать для улучшенія Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, — и, судя по ихъ дебюту, мы убѣждены, что съ этой стороны въ скоромъ времени онѣ не оставятъ ничего больше желать своимъ читателямъ, потому-что уже и теперь Санктпетербургскія Вѣдомости такъ далеко оставили за собою всѣ другія изданія одного съ ними рода, что сдѣлали невозможнымъ всякое сравненіе между собою и ими. Нельзя надивиться довольно богатству и полнотѣ внутреннихъ извѣстій въ каждомъ номерѣ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Заграничныя извѣстія, какъ политическія, такъ и частныя, въ нихъ тоже гораздо полнѣе и разнообразнѣе, нежели въ другихъ русскихъ газетахъ, исключая Московскихъ Вѣдомостей. Но помещеніе такихъ статей, какъ *Штейнъ и Поццо ди Борго* и *Уголовное судопроизводство во Франціи и Англій*, уже совершенно выводятъ Санктпетербургскія Вѣдомости изъ-подъ общаго уровня доселѣ бывшихъ и сущихъ газетъ російскихъ. *Взятіе Азова*, любопытная статья г. Устрялова, вѣроятно не останется единственною ученою статьею въ годовомъ изданіи газеты.

Фельетонъ составляетъ существенную принадлежность всякой газеты. Къ сожалѣнію, фельетонъ у насъ пока еще невозможенъ. Что такое фельетонъ? Это болтунъ, повидному добродушный и искреній, но въ самомъ дѣлѣ часто злой и злорѣчивый, который все знаетъ, все видитъ, обо многомъ не говоритъ, но высказываетъ рѣшительно все, колебъ эпиграмкою и намекомъ, увлекаетъ и живымъ словомъ ума и погремушкою шутки.... Гдѣ жь ужиться съ фельетономъ русской публикѣ, которая такъ церемонна, серьезна, чопорна, съ такимъ избыткомъ одарена великодушною готовностію благоприлично скучать, такъ уважаетъ, даже вчужѣ, благонамѣренную наружность? Отъ того нашъ русскій фельетонъ, какъ и нашъ русскій водевиль, такъ приторенъ въ своихъ любезностяхъ, такъ скученъ и вялъ въ своемъ остроуміи, а гла-

виое—такъ мало изобрѣтателенъ на предметы разговора! Бѣдняжка вѣчно начинаетъ или съ того, что въ Петербургѣ всегда дурная погода, или съ того, какъ трудно ему, фельетонисту, писать по заказу, когда во все не о чемъ писать, а въ головѣ пусто.... Вотъ тутъ-то, въ припадкѣ фельетоннаго отчаянія, желая быть остроумнымъ, во что бы ни стало, восклицаетъ онъ иногда: «Зачѣмъ у насъ такъ много полу-плохихъ журналовъ, а не одинъ хорошій журналъ?» На чтѣ зѣвающій читатель можетъ отвѣтить ему: «Скажите-ка лучше, зачѣмъ всѣ ваши фельетоны такъ положительно-плохи; что бы вамъ написать хоть одинъ порядочный?»....

Но Санктпетербургскія Вѣдомости умѣли перещеголять другія русскія газеты даже и со стороны фельетона. Если фельетонныя статьи въ нихъ и не одинаковаго достоинства, зато между ними нѣтъ такихъ, которыя могли бы компрометировать газету, а съ нею и всю русскую литературу. Очень выгодно для Санктпетбургскихъ Вѣдомостей то обстоятельство, что у нихъ, по множеству сотрудниковъ, и фельетоны пишутся разными лицами, которыя говорятъ въ нихъ о русской литературѣ, о русскомъ и французскомъ театрѣ, объ итальянской оперѣ въ Петербургѣ и тому подобныхъ немногихъ предметахъ русскаго и петербургскаго міра; но никогда не говорятъ о себѣ, о своей любви къ правдѣ, и что всѣ ихъ за нее гонять, о гибели чистоты русскаго языка литераторами чужого прихода, и тому подобныхъ пошлостяхъ, которыя уже давно вышли изъ вѣры, давно всѣмъ наскучили и опротивѣли.... Нѣкоторые фельетоны Санктпетербургскихъ Вѣдомостей даже очень интересны, особенно подписанные именемъ г. Губера и буквами: Э. И. Въ нихъ высказывается много дѣльнаго, и притомъ такъ умно, ловко, живо. Правда, между всѣмъ этимъ попадаются мифныя, съ которыми вы, можетъ быть, никакъ не согласитесь, но которыхъ тѣмъ не менѣе вы не можете не уважать, которыя—чтѣ всего важнѣе—вы можете оспоривать, не боясь вдаться въ такъ называемую полемику.... Такимъ образомъ, фельетонъ г. Губера: *Русская литература въ 1846 году*, помѣщенный въ 4 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, возбуди въ насъ желаніе сдѣлать на него нѣсколько замѣтокъ.

Говорить о современной русской литературѣ, значитъ говорить о такъ называемой *натуральной школѣ* и о такъ-называемыхъ *славянофилахъ*, ибо это самыя характеристическія явленія современной русской литературы, въ которыхъ нѣтъ на Руси никакой литературы. Г. Губеръ о нихъ и говоритъ. Приговоръ его славянофиламъ нѣсколько строгъ и одностороненъ. Съ одной стороны, онъ очень справедливо сравниваетъ славянофильскую партію въ Россіи съ романтической партіею въ Германіи, стоявшею за среднія вѣка и тевтонизмъ и ненавидѣвшюю Францію и все французское; кромѣ ратованія за мертвое начало, между обѣими этими партіями, русскою и нѣмецкою, есть еще то общее, что онѣ не имѣютъ важнаго значенія въ литературнаго, книжнаго міра. Но съ другой стороны, г. Губеръ не со-

всѣмъ правъ, видя въ нашихъ славянофилахъ не больше, какъ «защитниковъ бороды и кафтана». Правда, между славянофилами есть и такіе; но въ какой же партіи нѣтъ людей, которые своею ограниченностію дѣлаютъ смѣшною свою партію? Однакожь, по нѣкоторымъ не слѣдуетъ заключать обо всѣхъ. Еще менѣе правъ г. Губеръ, говоря, что «эта славянская партія составляетъ неотъемлемое достоинствіе Москвы» и что «въ Петербургѣ совсѣмъ другое дѣло: что-де «тутъ молодое поколѣніе силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы» и пр. Нѣтъ, это не такъ. Правда, въ Москвѣ много славянофиловъ, но меньше ли ихъ и въ Петербургѣ? Этотъ вопросъ неизбѣжно влечетъ за собою другой: покойный *Малкъ* менѣе ли *Москвитинна* былъ выразителемъ ультра-славянофильскихъ понятій, или болѣе? А гдѣ *Малкъ* издавался не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и наполнялся преимущественно трудами живущихъ въ Петербургѣ литераторовъ. Съ другой стороны, въ Москвѣ не мало живетъ ученыхъ и литераторовъ, нисколько не принадлежащихъ къ славянофильской партіи. Укажемъ, для примѣра, на гг. Искандера, Грановскаго, Кавелина, Соловьева, Рѣдьякина, Корша, Рулье.... Скажемъ болѣе: молодое поколѣніе, на которое такъ горько жалуется г. Губеръ за то, что оно силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы, это молодое поколѣніе совсѣмъ не туземное въ отношеніи къ Петербургу: оно перѣхало въ Петербургъ изъ Москвы....

Но главный предметъ статьи г. Губера составляетъ такъ называемая натуральная школа русской литературы и критики, которую онъ, однакоже, называетъ литературою и критикою молодого поколѣнія — это не совсѣмъ вѣрно, ибо если молодая поколѣнія всѣ на сторонѣ этой школы, то въ числѣ дѣятелей этой школы есть уже люди, изъ которыхъ одни подвигаются къ своимъ сороковымъ годамъ, а другіе уже и перешли за нихъ.... Вообще, наши литераторы какъ-то долго считаются молодыми людьми, а потомъ какъ-то вдругъ поверстываются въ разрядъ старыхъ... Говоря о натуральной школѣ, г. Губеръ ясно показываетъ, что самъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ ни къ ней, ни къ противоположной ей, и ни къ какой другой литературной котерин, и что, слѣдовательно, онъ человекъ безъ предубѣжденій и предразсудковъ, человекъ безпристрастный. Дѣйствительно, мало сочувствуя натуральной школѣ, онъ тѣмъ не менѣе смотритъ на нее безъ всякой враждебности, обвиняя ее за ея недостатки, отдаетъ полную справедливость ея заслугамъ, а—главное—весьма благородно защищаетъ ее отъ несправедливыхъ нареканій и наветовъ ожесточенныхъ враговъ ея. Все это хорошо; но совсѣмъ этимъ г. Губеръ не рѣшилъ вопроса, даже не подвинулъ его впередъ и нисколько не выполнилъ своей роли посредника и примирителя. Есть два способа оставаться безпристрастнымъ среди тревожныхъ волнений партій. Первый состоитъ въ томъ, чтобы безпристрастно видѣть всѣ стороны, дурныя и хорошія, чуждыхъ партій, а самому все-таки оставаться вѣрнымъ своему убѣжденію, и, слѣдовательно, оставаться вѣрнымъ

своей партіи, если это убѣжденіе раздѣляется другими (а что же въ немъ дѣльнаго, если оно ничѣмъ не раздѣляется?) Второй (и самый надежный, самый вѣрный, самый легкій) способъ быть безпристрастнымъ состоитъ въ томъ, чтобы кое въ чемъ соглашась и кое въ чемъ не соглашась съ тѣмъ и другимъ, самому не имѣть никакого опредѣленнаго мнѣнія, никакого постояннаго убѣжденія. Такого рода «безпристрастные» люди, не способные принадлежать ни къ какой партіи, иначе называются равнодушными, или *индифферентами*. Не принадлежать къ партіи можетъ только гений, и то потому, что онъ самъ—знамя, подъ сѣнь котораго не замедлитъ стать огромная партія. Претензіи не принадлежать къ партіи всегда совпадаетъ съ претензію одному видѣть ясно безусловную истину, на которую всѣ другіе смотрятъ сквозь тусклые очки парціальныхъ пристрастій; но чистая, безусловная истина есть только логическій абстрактъ: всякая *жизненная* истина всегда носитъ на себѣ отпечатокъ временнаго, условнаго.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы видѣть въ г. Губерѣ безпристрастнаго зрителя борьбы, который тѣмъ больше видитъ, чѣмъ меньше принимаетъ участія въ борьбѣ; но въ то же время мы должны сказать, что тщетно отыскивали въ его статьяхъ того, что называется началомъ, принципомъ, взглядомъ, образомъ мыслей, наконецъ, убѣжденіемъ. У него есть мнѣнія, но до того личныя, что онѣ больше на своемъ мѣстѣ въ частномъ разговорѣ, нежели въ печати. Никакъ нельзя понять, чего онъ держится. Только что заговорить онъ о чемъ-нибудь положительно, и обрадованный читатель думаетъ добратся до какого-нибудь вывода, какъ авторъ тотчасъ же отступаетъ отъ своего мнѣнія и идетъ дальше, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя шелъ онъ не мало и не близко, а не дошелъ ни до чего.... Начнемъ сначала.

«Прежде позвѣя космополитомъ обходила города и села, распѣвая сладкія пѣсни и чуждаясь соприкосновенія съ ежедневною жизнію; она рассказывала, не причастная тому, что творилось кругомъ, строгая муза, неприступная жрица, съ важнымъ праздничнымъ лицомъ; она облакалась въ *воскресныя* (?) одежды и *служила* чистую, неподкупную *службу* своей единственной богинѣ — красотѣ».

Несмотря на то, что эти строки прочли мы 4 января, 1847 года въ первый разъ въ нашей жизни, намъ показалось, что мы давно знаемъ ихъ наизусть: таково, впрочемъ, свойство всѣхъ общихъ риторическихъ мѣстъ.... Право, пора бы перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго никогда и нигдѣ не бывало. Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то пыганкою, то прелестницею не изъ денегъ, а по страсти къ ремеслу.... Да гдѣ и когда было такое искусство? Искусство древнихъ Грековъ ближе всякаго искусства къ мірѣ подходитъ къ идеалу чистаго, независимаго отъ дѣйствительной жизни искусства; но при всемъ

этомъ, уважите мнѣ на какое-нибудь другое искусство, которое бы съ такою полнотою, глубокостію и многосторонностію выразило въ себѣ всѣ элементы религіозной, политической, государственной, гражданской и частной жизни Эллиновъ.... Поэтому-то, не имѣя понятія объ исторической и внутренней жизни этого народа, нельзя понимать и его поэзіи. Уже нечего и говорить о какомъ-нибудь Аристофанѣ, на каждый стихъ котораго необходимо по сотнѣ комментарій, чтобы понимать его; не далеко уйдете вы и въ пониманіи другихъ поэтовъ Греціи, если ученымъ образомъ не ознакомитесь съ ихъ жизнію, которая была источникомъ ихъ поэзіи. А этого бы совсѣмъ не нужно въ отношеніи къ чистой, безусловной поэзіи, которая паритъ горѣ, считая для себя за униженіе знать, что дѣлается долу.... Изъ писателей новаго міра, рыцари небывалаго чистаго искусства обыкновенно съ торжествомъ указываютъ на Гёте; но тутъ-то они, сверхъ всякаго съ ихъ стороны чаянія, находятъ орудіе противъ себя, а не за себя.... Правда, Гёте, по особенному свойству, возможно и понятному только въ нѣмецкой натурѣ, оставался равнодушнымъ къ политическимъ вопросамъ въ самое обильное великими политическими событіями время; согласны съ г. Губеромъ, что «какъ человекъ и какъ Нѣмецъ, Гёте былъ не правъ»; но не можемъ согласиться, чтобы какъ поэтъ, какъ художникъ, Гёте, въ этомъ случаѣ, хоть сколько-нибудь подходилъ подъ идеалъ безукорызнаннаго жреца абстрактнаго искусства. Въ Гёте должно отличать человека отъ художника: Гёте былъ великій художникъ, но человекъ онъ былъ самый обыкновенный.... Не искусство, а его личный характеръ заставляли его вѣчно тереться между сильными землі, жить и дышать милостынею ихъ улыбокъ, равно какъ и оказывать самое холодное невниманіе ко всему, что не касалось до него лично, что могло возмутить его юпитеровское, говоря поэтически, и эгонистическое, говоря прозаически, спокойствіе. И потому, равнодушіе Гёте къ живымъ вопросамъ современной ему исторіи не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ: искусство и не думало обязывать его, въ свою пользу, безразличнымъ равнодушіемъ такого рода. Но тѣмъ не менѣе, Гёте, какъ художникъ, какъ поэтъ, былъ вполне сыномъ своей страны, своего вѣка, вполне выразилъ собою если не всѣ, то многія изъ существеннѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Это доказывается его обращеніемъ ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, ко всякой, какъ называетъ ее г. Губеръ, «нездѣшной» поэзіи. Это же доказывается его стремленіемъ ко всему простому, ясному, опредѣленному, здѣшнему, земному, дѣйствительному, реальному, положительному; его страстнымъ сочувствіемъ природѣ, которое не только отразилось пантеистическимъ міросозерцаніемъ въ его поэзіи, но еще и выразилось съ его стороны великими услугами въ области естествознанія, какъ науки. Какъ при этомъ не вспомнить о его живой симпатіи къ древнему міру, среди всеобщаго стремленія къ варварскимъ среднимъ вѣкамъ, откуда поэзіи выносила только невѣ-

жественныя идеи да уродливыя образы? И вотъ причина, почему теперь, въ наше время, скептическій, холодный Гёте, въ самой Германіи, въ такомъ же содержаніи пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ читателей и почитателей, въ какомъ пламенный и рыцарственно-благородный Шиллеръ теряетъ ихъ со дня на день.... Да, въ лицѣ Гёте искусство служило жизни, или, лучше сказать, выражало жизнь; онъ не могъ бы сдѣлать его вспомогательнымъ орудіемъ для какой-нибудь всемерной партіи, но весь гений свой отдалъ онъ на помощь великой партіи великаго вѣка...

Объяснивши посвоему, что съ Гёте должно было кончиться такъ называемое космополитическое искусство (котораго нигдѣ и никогда не существовало), г. Губеръ показываетъ необходимость послѣдовавшаго за тѣмъ переворота во всѣхъ европейскихъ литературахъ, а вслѣдъ за ними и въ русской. Тутъ мимоходомъ у него сказано много очень хорошаго о гармоніи, тишинѣ и примиреніи, какъ условіяхъ процвѣтанія искусства. Г. Губеръ смотритъ на этотъ предметъ глазами отживающихъ теперь свой вѣкъ нѣмецкихъ эстетикъ. Для него жизнь есть покой и сонъ, а не движеніе, не борьба; онъ не догадывается, что примиреніе въ искусствѣ совершается черезъ обобщеніе явленія, черезъ возведеніе его въ идею, но что въ дѣйствительности примиреніе царствуетъ только въ сонныхъ городахъ бюргерской Германіи....

Но вотъ мы, наконецъ, у главнаго пункта нашего возраженія. Сближеніе русской литературы съ дѣйствительностію выразилось, по словамъ г. Губера, въ появленіи «литературы чиновниковъ». Послушаемъ самого г. Губера :

«Всѣ эти новыя произведенія, сближающія литературу съ дѣйствительною жизнью и прославляемая критикою, ограничиваются до сихъ поръ изображеніемъ мелкихъ чиновниковъ; отъ этого происходятъ утомительное однообразіе въ содержаніи вышнихъ повѣстей и романовъ. *Нѣтъ сомнѣній, что чиновникъ, во всякъ его видоизмѣненіяхъ, составляетъ любопытное явленіе въ нашей дѣйствительной жизни; правда, что многія другія стороны ея не подлежатъ анализу литератора; но повторять всегда одно и тоже, находить въ этомъ однообразномъ содержаніи единственное спасеніе литературы, осудить ее на такое скучное направленіе, значить не понимать современныхъ требованій искусства. Истинный художникъ, поэтъ или прозаикъ, призванный временемъ и дарованіемъ на великую службу мысли, не покорить своихъ убѣжденій, своего вдохновенія такому тѣсному условію. Онъ останется вѣрныя характеру и направленію времени, онъ будетъ сочувствовать всѣмъ его движеніямъ и нуждамъ; на немъ отразятся его борьба, его надежды, изны и страданія; но вдохновеніе его не станетъ боязливо искать условнаго содержанія; сегодня оно выражается въ явленіи дѣйствительнаго міра, а завтра въ старинномъ преданіи, сегодня герой его называется Кузьмой или Прохоромъ, а завтра Неровомъ, или Калигулой; сегодня онъ является чиновникомъ четырнадцатаго класса, а завтра Титавомъ греческой мѣлологіи. Въ мысли художника отразится его сочувствіе къ современному направленію, а не въ оболочкѣ этой мысли.*

.

«Недостатокъ этой молодой литературы состоитъ не въ томъ, что она пишетъ о чиновникахъ, а въ томъ, что она ничего другаго не пишетъ; не въ томъ, что она выставляетъ грязныя стороны жизни, а въ томъ, что она еще не возвысилась ни до единой изъ чистыхъ ея сторонъ. Въ доказательство же, что и то и другое возможно, стоитъ только указать на произведенія Лермонтова или графа Соллогуба.

Не понимаемъ, какъ подобныя строки могли выйти изъ-подъ пера человѣка съ такимъ умомъ и образованіемъ какъ г. Губеръ! Парадоксъ на парадоксъ, и каждый опровергнуть самимъ же авторомъ! Сказать, что «многія другія стороны нашей дѣйствительности не подлежатъ анализу литератора» — и въ тоже время переважно, т. е. нисколько не шутя, обвинять литературу, какъ въ важномъ преступленіи, въ томъ, что она, кромѣ чиновниковъ, ничѣмъ не занимается: не значить ли это шутить надъ здравымъ смысломъ читателей?... И притомъ, не совсѣмъ правда, будто новая литература занимается только чиновникомъ: хотъ и рѣже, но иногда касается она и помѣщика, и купца, и мѣщанина, и крестьянина....

А вотъ теперъ Министерство Государственныхъ Имуществъ объявило конкурсъ на сочиненіе книгъ какъ касающихся до быта простого народа, такъ и для чтенія этому простому народу. По этому поводу намъ пришла въ голову слѣдующая мысль: еслибы наша литература до сихъ поръ возилась все съ Неровами, Калитулами да Титанами, а не съ Кузьмами и Прохорами четырнадцатаго класса, — можно ли было бы призвать ее на такое великое дѣло, какъ сочиненіе книгъ для народа?...

Но г. Губеръ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, которые начисто запрещаютъ литературѣ заниматься чиновниками; онъ только обвиняетъ ее за то, что она ими занимается одними, тогда какъ можно бы ей было позаняться и другимъ чѣмъ-нибудь, какъ это доказываютъ сочиненія Лермонтова и графа Соллогуба.... Какъ, г. Губеръ, такъ новая литература, въ лицѣ Лермонтова и графа Соллогуба, умѣла же находить предметы для своихъ занятій и внѣ чиновническаго міра?... Такъ за что же вы обвиняете ее, бѣдную новую литературу?... Но зачѣмъ и теперъ всѣ не слѣдуютъ примѣру Лермонтова и графа Соллогуба? — Не мудрено отвѣчать на подобный вопросъ, если только вы намѣрены были сдѣлать его. Слѣдовать за Лермонтовымъ никому не слѣдуетъ. Что же касается до графа Соллогуба, то ему, вѣроятно, потому никто не слѣдуетъ, почему онъ никому не слѣдуетъ, кромѣ того однакожъ, кто создалъ эту новую литературу, и кому всѣ болѣе или менѣе слѣдуютъ.... Что же до Нероновъ, Калитулъ и Титановъ — кто же мѣшаетъ кому изображать ихъ въ стихахъ и въ прозѣ? И развѣ не дѣлали этого — Марлинскій въ повѣстяхъ, г. Тимоѣевъ — въ мистеріяхъ? Развѣ г. Бернетъ не написалъ *Графа Меца*? А сколько прошло передъ глазами нашими и скрылось навсегда романовъ въ родѣ *Призрака*, *Непостижимой* и т. п.? Сколько г. Кукольникъ написалъ, съ одной стороны, итальянскихъ повѣстей и

драмъ, а съ другой — русскихъ повѣстей и драмъ? А драмы Полевого и г. Ободовскаго? Куда все это скрылось? Изъ всего этого, еще только русскія повѣсти г. Кукольника менѣе пострадали отъ забвенія, и то по причинѣ болѣе юмористическаго, нежели трагическаго ихъ характера. Какое слѣдствіе можно вывести изъ всего этого? А вотъ какое: хороши Нероны, Калигулы и Титаны Байрона, Гёте, даже Пушкина и Лермонтова; но куда плохи и невыносимы эти образы у талантовъ третьяго разряда, дарованій средней руки. Послѣдніе очень умно дѣлаютъ, что кромѣ чиновниковъ ни о чемъ писать не хотятъ. Даже посредственная повѣсть съ чиновниками можетъ имѣть свою цѣну, хотя на время, но посредственная поэма съ Нерономъ, Калигулою или Титанами — вещь нестерпимо скучная и пошлая. Изъ этого, однакожъ не слѣдуетъ, чтобы для изображенія дѣйствительной жизни со всѣми даже пошлыми и грязными сторонами ея требовалось меньше таланта или генія, нежели на изображеніе какихъ-нибудь идеальныхъ міровъ: изъ этого слѣдуетъ только, что маленькимъ талантамъ лучше держаться того, что у нихъ передъ глазами и что имъ по плечу, нежели того, что такъ далеко отъ нихъ и такъ выше ихъ силъ. Такъ вотъ отъ-чего, къ общей радости, писатели наши оставили въ покое Нероновъ, Калигулъ и Титановъ, предпочтя имъ Кузьму да Прохора... Это означаетъ совершеннолѣтіе: только ребенокъ хватается за труды не по силамъ....

Положимъ, что современная русская литература идетъ не большою столбовою дорогою, а проселочною; но если это единственная дорога сущестующая для нея, неужели же вы обвините ее, что она предпочла лучше идти проселочнымъ путемъ, нежели вовсе не идти ни по какой дорогѣ, — вы, которые такъ хорошо знаете, что подлежитъ и что не подлежитъ анализу литератора?... Мы даже думаемъ, что литература наша дѣлаетъ больше, нежели сколько можно отъ нея требовать. Теперешій путь ея не блестящъ, но проченъ и полезенъ. Знакома обществу съ самимъ собою, т. е. развивая въ немъ самосознаніе, она удовлетворяетъ его главнѣйшей и важнѣйшей въ настоящую минуту потребности. Этому она не могла бы достигать съ Неронами, Калигулами и Титанами, которыхъ наше общество рѣшительно не хочетъ знать. Никто не станетъ спорить противъ того, что *Египетскія ночи*, *Галубъ*, *Каменный Гость* — великія художественныя созданія. Но потому-то и существуютъ они у насъ только для слишкомъ немногаго числа истинныхъ знатоковъ искусства; большинство же рѣшительно предпочитаетъ имъ произведенія, равныя имъ по художественному достоинству, но изображающія нашу дѣйствительность, какъ она есть, какъ напр., *Мертвыя Души*.

Новая критика съ гордостію можетъ сказать, что и она способствовала этому направленію новой литературы; но чтобы она произвела, или — что еще преувеличеннѣе — чтобы она одна произвела его: думать такъ, значило бы возвышать ее не по заслугамъ. А меж-

ду тѣмъ, ея противники (обыкновенно писатели, не имѣвшіе особеннаго успѣха) въ этомъ и упрекають ее. Настоящее время особенно неблагопріятно исключительному владычеству какой-нибудь литературной партіи, потому-что публика наша уже совсѣмъ не та, какою была она лѣтъ пятнадцать назадъ; она соглашается съ тѣмъ, что находитъ справедливымъ, но на слово не вѣрять никому. Отъ этого теперь ни одинъ журналъ не можетъ пристрастными нападками повредить успѣху никакого дарованія, никакой книги, равно какъ и доставить успѣхъ посредственности или бездарности. Говорятъ, будто журналы убили теперь книгу, такъ что отдѣльныя книги гостятъ въ магазинахъ или нищенствуютъ въ бібліотекахъ для чтенія; литераторъ, который рѣшается на особенное изданіе своего произведенія, не любитъ говорить о томъ, сколько экземпляровъ онъ напечаталъ и сколько ихъ разошлось. Это рѣшительная неправда, которую ничего нѣтъ легче какъ доказать фактами. Неидутъ теперь только стихотворенія, и то потому, что публика не хочетъ знать стихотвореній, которыя не то, чтобы хороши, не то, чтобы плохи, а такъ себѣ — не дурыны.... Теперь у насъ довольно стихотворцевъ не безъ таланта, да та бѣда, что трудно отличать стихотворенія одного отъ стихотвореній другого, — такъ похожи онѣ другъ на друга....

Но критика, говоритъ г. Губеръ, виновата тѣмъ, что, усиливалась сблизить литературу съ жизнію, выражается сама дикимъ, непонятнымъ языкомъ. Это старая нападка на употребленіе извѣстныхъ терминовъ и словъ. Но что жъ дѣлать, если со временъ Петра Великаго языкъ нашъ пестрѣтъ иностранными словами? Видно это нужно? Вѣдь критика не фельетонъ, и ей приходится часто говорить объ идеяхъ, для выраженія которыхъ у насъ нѣтъ словъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Но теперь подобный упрекъ критикѣ едва ли не анахронизмъ, и едва ли въ этомъ отношеніи можно безъ несправедливости упрекнуть ее въ томъ, въ чемъ справедливо упрекали ее лѣтъ восемь назадъ тому. Зато, если вѣрять врагамъ критики, она часто убиваетъ таланты то неумѣренною бранью, то неумѣренными похвалами. Но прежде всего, господи, съ умысла или безъ умысла дѣлаетъ она это? Если съ умысла, нельзя не пожалѣть, что такая низкая и презрѣнная критика пользуется такою силою и такимъ вліяніемъ. Но это, къ счастью, невозможно: такая критика всегда безсильна и никого убивать не въ состояніи. Если же она дѣлаетъ это безъ умысла: зачѣмъ же хотите вы лишить ее права ошибаться? Право, вы ужъ черевчуръ уважаете ее и хотите въ ней видѣть что-то непогрѣшительное, что-то такое, что выше человѣческой природы. Какъ на самую умилительную и самую недавнюю жертву критики, г. Губеръ указываетъ на автора *Блудныхъ Людей*.

«Новая критика (говоритъ онъ) жадно хватилась за эту книгу, разсыпалась въ восторженные похвалы, пожаловала молодого литератора въ гени первой степеніи и вознесла его на такую высоту, на которой поневолѣ голова закружилась»

ся, что и случилось на самомъ дѣлѣ: промахи, простительные въ первомъ произведеніи, сдѣлались грубыми ошибками во второмъ; недостатки выросли: что было сперва оляобразно, потомъ сдѣлалось скучно до утопленія, и только немногіе, пристрастные читатели, да и тѣ по обязанности, прочитали до конца *господина Голдкима* и *Прозарчина*. Это горькая, но чистая правда, которая должна была опечалить человѣка съ такимъ рѣшительнымъ дарованіемъ, какъ г. Достоевскій. И кто знаетъ, на сколько виновата въ этихъ неудачахъ неосторожная критика юнаго поколѣнія? Кто знаетъ, какое вліяніе имѣла она на развитіе молодого, сильнаго, но еще шагкаго, незрѣлаго дарованія?»

Вотъ ужь подлинно съ больной—то головы да на здоровую! Въроятно, г. фельетонисту не совсѣмъ пріятно будетъ узнавать, что самые факты обращаютъ его грозное обвиненіе ни во что: юная критика, на которую онъ мѣтитъ и которая, по его словамъ, превознесла автора *Бѣдныхъ Людей* на головокружительную высоту, явилась въ печати ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ *Двойникъ (Приключенія господина Голдкима)* былъ уже напечатанъ. Слѣдовательно, автору *Бѣдныхъ Людей* не было никакой возможности испортить своей второй повѣсти вслѣдствіе головокруженія отъ похвалъ первой.... Мы и теперь считаемъ г. Достоевскаго человѣкомъ съ рѣшительнымъ талантомъ, и на основаніи этого—то мнѣнія и думаемъ, что ни похвала, ни брань не можетъ имѣть на него никакого вліянія; въ противномъ же случаѣ, мы считали бы этотъ талантъ и верѣшительнымъ и ничтожнымъ.... И стѣитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, обращать какое-нибудь вниманіе на талантъ, который можетъ быть убитъ похвалою или порицаніемъ критики? Когда появился Пушкинъ, его неумѣренно захваливали и неумѣренно забранивали; а онъ все—таки шелъ своею дорогою и всегда оставался вѣренъ своему поэтическому инстинкту, даже иногда вопреки убѣжденіямъ своего собственнаго ума. Безъ этого инстинкта вѣтъ художника, и лишеныій его талантъ такъ ничтоженъ, что чѣмъ скорѣе изъ него ничего не выйдеть, тѣмъ лучше для литературы и публики. Дѣтски-неосновательное мнѣніе, будто критика можетъ убивать таланты, захваливая или забранивая ихъ, сохранилось у насъ до сихъ поръ отъ той аркадской эпохи нашей литературы, когда она тонула вся въ слезахъ и вздохахъ чувствительныхъ писателей.... Теперь подобное мнѣніе смѣшно и дико....

Въ прошломъ 1846 году изъ адресъ-календаря русской литературы выбыло нѣсколько почетныхъ именъ. Февраля 22 умеръ въ Москвѣ извѣстный драматическій писатель князь Александръ Александровичъ Шаховской, на 73 году отъ рожденія. Марта 22 умеръ въ Петербургѣ Николай Алесѣевичъ Полевой, на 50 году отъ рожденія. Декабря 26 скончался въ Москвѣ извѣстный на Руси поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ, на 40 году отъ рожденія. Хотя всѣ эти писатели умерли въ такое время или въ такихъ обстоятельствахъ своей жизни, что литературѣ отъ нихъ уже нечего было болѣе ожидать, но все—таки это скорбныя утраты для общества. Полевой умеръ, едва доживши до

старости, а Языковъ — едва переживши пору молодости. Неожиданное извѣстіе о смерти замѣчательнаго человѣка какъ-то особенно тяжело ложится на душу.... И не мудрено: кромѣ сочувствія и уваженія, какими подобные люди всегда пользуются въ обществѣ, ихъ возрастомъ измѣряются возрасты цѣлыхъ поколѣній....

Языковъ пользовался на Руси извѣстностію и даже славою, какія даются слишкомъ немногимъ талантамъ. Чтобы понять это явленіе, надобно было бы представить живую картину той эпохи русской литературы, на смѣну которой явился Пушкинъ съ своими сподвижниками. Но какъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ вдаваться въ такія подробности, то мы скажемъ коротко, что то была эпоха рабскаго подражанія немногимъ призваннымъ образцамъ. Никто не смѣлъ быть оригинальнымъ; каждый имѣлъ право насиловать языкъ въ грамматическомъ отношеніи, дѣлать, подъ видомъ *пѣмическихъ солистостей*, самыя чудовищныя усѣченія, писать самыя дубовыя стишницами; но никто не смѣлъ употребить выраженія или слова, не употребленнаго уже однимъ изъ призванныхъ образцовъ. Поезія тогда поучала, и если позволяла себѣ иногда воспѣвать что-нибудь живое, то не иначе, какъ шуточнымъ тономъ. Пушкинъ своимъ появленіемъ нарушилъ этотъ глубокой сонъ нашей литературы, и литературные старовѣры встрѣтили его, какъ еретика и раскольника въ искусствѣ. Естественно, что въ томъ, что называлось тогда литературною дерзостію, послѣдователи Пушкина пошли дальше своего учителя. Изъ нихъ всѣхъ замѣтнѣе былъ Языковъ какъ своимъ бойкимъ, искристымъ, звонкимъ и блестящимъ стихомъ, такъ и направленіемъ своей поэзіи, которая въ сущности была не чѣмъ инымъ, какъ поэзіею *нѣмецкаго буршества*. Она воспѣвала и высокой трудъ науки, и будущее гражданское при званіе студента, и преданія отечественной старины, и дѣву-здохновительницу свѣтлыхъ мыслей, и дѣву-соблазнительницу, и шипучее искрометное вино, и молодца, безумныя оргіи сладострастія и пьянства. Все это было тогда такъ ново и такъ неотразимо-увлекательно для молодежи, и она была безъ ума отъ удалыхъ стиховъ Языкова.... Многие изъ людей того поколѣнія ставили его наравнѣ съ Пушкинымъ, другіе даже выше его.... Никому въ голову не входило, что, при неотъемлемыхъ достоинствахъ поэзіи Языкова, въ ней былъ и весьма важный недостатокъ — отсутствіе искренности, другими словами: она не была тѣмъ, чѣмъ сама себя искренно считала.... Изъ буршества ничего не можетъ выйти кромѣ филистерства, потому именно, что разгулъ нѣмецкаго бурша есть не выраженіе будущей черезъ край волнуемой жизни, а слѣдствіе принципа. Нѣмецъ говоритъ себѣ: въ молодости надо быть молодымъ, т. е. учиться, пить и драться, — и онъ рѣшается быть молодымъ до тридцати лѣтъ; провожая послѣдній день своего 30 года, онъ въ послѣдній разъ напивается мертвецки, и поутру встаетъ уже степеннымъ филистеромъ. Вотъ отчего Нѣмецъ не успѣваетъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ: вся жизнь его правильно раздѣлена на буршество и филистерство.

Поэзія Языкова не была выраженіемъ его жизни. Отъ-того вино только шипитъ и вѣнится въ его стихахъ, но не охмѣляется, а дѣва-соблазнительница —

То играло словидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Поэзія Языкова всегда жила принципомъ, всегда ладила съ головою, а на сердце только ссыалась. Чувствуя однообразіе мотивовъ своего вдохновенія, Языковъ началъ обѣщать бросить «праздныя забавы», перестать бражничать и приняться за важныя дѣла. Но это обѣщаніе скоро обратилось въ общее мѣсто его поэзіи. Между тѣмъ, Пушкина не стало, страсть къ стихамъ начала въ публикѣ смѣняться страстью къ прозѣ, во всемъ чувствовался рѣзкій переломъ, литература явно брала новое направленіе. Стихи Языкова являлись все рѣже и рѣже. Наконецъ, съ 1841 года, въ Москвѣ начался издаваться журналъ *Москвитинимъ*, въ которомъ Языковъ вновь началъ являться съ своими стихотвореніями. Въ нихъ уже не было прежняго стиха, но еще были прежнія замашки. Къ этому присоединилось славянофильское направленіе, котораго Языковъ захотѣлъ быть поэтическимъ органомъ. Такъ всегда поэзія этого человѣка была выраженіемъ выбраннаго сознательно принципа. Но ничего нѣтъ хуже, когда поэтъ дѣлается отголоскомъ какой-нибудь партіи: его удѣлъ доводить до смѣшного ученіе, которое ему навязано. Такъ и было съ Языковымъ. Последнее время его поэтической дѣятельности было грустною эпохою совершеннаго паденія его таланта.

Но въ началѣ своего поэтического поприща Языковъ оказалъ большія услуги русскому языку, русскому стиху и, отчасти, русской поэзіи. Имя его, конечно, переживетъ его труды и займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Таково наше мнѣніе о Языковѣ.

Укажемъ теперь на слѣдующій замѣчательный фактъ: Въ ноябрьской книжкѣ одного журнала за 1846 годъ былъ помѣщенъ отзывъ объ извѣстной статьѣ г. Маслова *Жаръ и Жатва Хлѣба*, въ которомъ отдава справедливость по крайней мѣрѣ чувству, побудившему г. Маслова къ написанію статьи. И что же? въ первой книжкѣ за нѣшній годъ того же самаго журнала появилась статья, въ которой смѣются надъ статьею г. Маслова со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, преимущественно филантропической.... Авторъ этой статьи имѣлъ смѣлость подписать подъ нею свое имя, которое теперь должно приобрести себѣ огромную извѣстность.... Удерживаея отъ всякихъ сужденій объ этой статьѣ: она сама за себя говоритъ громко и, подобно извѣстнымъ поступкамъ, сама въ себѣ носитъ судъ свой.... Замѣтимъ только, что въ статьѣ г. Маслову имѣется въ преступленіе то, что онъ говоритъ о печальномъ положеніи только рабочихъ женщинъ во время жаровъ жатвы, а не говоритъ ни слова о тѣхъ, которыя во время зимнихъ морозовъ полощутъ въ прорубяхъ рѣкъ

бълье и т. п. Вотъ это — логика! Докторъ указалъ на новую болѣзнь, описалъ ея признаки и даже предложилъ, въ видѣ опыта, лекарства противъ нея. Вы думаете, что этотъ докторъ приобрѣлъ право на общую признательность! Ничуть не бывало: не хвалить, а бранить его должно за то, что, указавши на одну новую болѣзнь, не указалъ онъ на тысячи другихъ.... Кому такая логика покажется немного странною, тѣхъ отсылаемъ къ журналу, въ которомъ помѣщена статья, — и кстати, пусть они сами рѣшатъ: кто приобрѣлъ себѣ больше чести и славы, авторъ ли, написавшій эту знаменитую статью, или журналъ, рѣшившійся напечатать ее?

III.

Въ «письмѣ изъ Парижа», помѣщенномъ въ этой книжкѣ, подробно и живо представлена картина парижской жизни въ настоящую минуту. Въ дополненіе помѣщаемъ еще нѣсколько заграничныхъ извѣстій.

По смерти г. Ройа-Коллара — главы французскихъ доктринеровъ, біографію котораго мы скорѣе надѣемся помѣстить въ нашемъ журналѣ, — кресло его во французской академіи занялъ краснорѣчивый г. Шарль де Ремюза одинъ изъ членовъ министерства 1840 года. Среди многочисленнаго и блистательнаго собранія г. Шарль де Ремюза произнесъ рѣчь, въ которой, по заведенному обычаю, прославлялъ своего предшественника. Рѣчи эти, усыпанные риторическими цвѣтами и комплиментами въ честь покойниковъ, бывають обыкновенно очень забавны; однако, въ рѣчи г. де Ремюза встрѣчаются мысли не дурныя, и хоть не новыя, но дѣльныя. Вотъ, что сказалъ онъ, между прочимъ, въ окончаніи рѣчи своей:

«Человѣкъ, при всей своей силѣ, не всегда можетъ бороться съ препятствіями, которыя встрѣчаются ему на пути жизни — и его разумъ необходимъ ему въ борьбѣ съ волею другихъ людей и съ собственными его страстями... Какъ-бы ни была опривлена душа наша, мы все-таки ногами прикасаемся къ землѣ. Одно убѣжденіе, одна воля можетъ поддерживать и руководствовать насъ въ этой борьбѣ.... Въ городѣ, въ которомъ въ высшей степени процвѣтали нѣкогда поэзія и искусство, въ этомъ городѣ человѣкъ съ дивными гениемъ и умомъ дико-насиженнымъ, влдохновенный ученикъ мудрѣйшаго изъ гражданъ въ остроумѣйшемъ взродѣ, — Платонъ сказалъ: «Покуда политическое искусство и философія не подадутъ руки другъ другу, до тѣхъ поръ ничѣмъ нельзя отъратить бѣдствія, подъ гнетомъ которыхъ сокрушаются государства, — бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ человечество.

«И неужели истина эта имѣеть значеніе только у стѣнъ Акрополиса? неужели только въ стѣнахъ Фидіа и Соокла, въ городѣ, спасенномъ Очистителемъ, въ городѣ, въ которомъ владычествовалъ Периклъ, можно было думать, что ласкость, искусство, талантъ недостаточны для управленія міромъ, и что для этого надобно неуживо философія, то есть, разумной любви къ истинному и благому?..